

МАРИКЕ ЛУКАС
РЕЙНЕВЕЛД

НЕЛОВКИЙ ВЕЧЕР

INSPIRIA

Москва

2021

УДК821.112.5-31
ББК84(4Нид)-44
Р35

Marieke Lucas Rijneveld
DE AVOND IS ONGEMAK

Copyright © 2018 by Marieke Lucas Rijneveld
Originally published by Uitgeverij Atlas Contact,
Amsterdam

Фотография автора © Jouk Oosterhof
Перевод с нидерландского *Ксении Новиковой*
Художественное оформление
и иллюстрация на переплете *Ольги Медведковой*

Рейневелд, Марике Лукас.
Р35   Неловкий вечер / Марике Лукас Рейневелд :
[перевод с нидерландского К. Новиковой]. —
Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-116806-3

Семья Мюлдеров – голландские фермеры из Северного Брабанта. Они живут в религиозной реформистской деревне, и их дни подчинены давно устоявшемуся ритму, который диктуют церковные службы, дойка коров, сбор урожая. Яс – странный ребенок, в ее фантазиях детская наивная жестокость схлестывается с набожностью, любовь с завистью, жизнь тела с судьбами близких. Когда по трагической случайности погибает, провалившись под лед, ее старший брат, жизнь Мюлдеров непоправимо меняется. О смерти не говорят, но, безмолвно поселившись на ферме, ее тень окрашивает воображение Яс пугающей темнотой. Ко всему прочему, ведь именно она, когда брат ушел, в тот день молилась Богу о страшном обмене: «Пожалуйста, не забирай моего кролика и, если можно, заberi лучше вместо него моего брата Маттиса, аминь».

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)-44

ISBN 978-5-04-116806-3

© Новикова К., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2021

«Беспокойство дает кры-
лья воображению».

Морис Хиллиамс

ЧАСТЬ I

Написано: «Я обновляю вещи все!»
Но на аккордах словно сушится печаль,
Порывы, острые как нож, ломают веру
Мечтавшего сбежать от ярости начала.
Лед ливня месит цвет в стекло и кашу,
В неистовстве бродячий пес отряхивает шкуру.

*Из собрания стихотворений
Яна Волкера (2008)*

1

Мне было десять лет, и я больше не снимала пальто. Тем утром мать намазала всех нас по очереди мазью для вымени «Бохена» из желтой баночки, которую обычно использовали от трещин, мозолей и похожих на цветную капусту наростов на сосках молочных коров. Крышка у баночки была такая жирная, что ее удавалось открутить, только обхватив кухонным полотенцем; мазь пахла как посыпанные солью и перцем толстые куски вымени, что тушились в бульоне на сковороде на плите и вызывали у меня отвращение, как и эта вонючая мазь на коже. Но мать продолжала тыкать жирными пальцами в наши лица, словно они были сыром, который она ошупывала и охлопывала, проверяя, как созревает корочка. Наши бледные щеки блестели в свете кухонной лампочки, засиженной мухами. Этой лампочке годами собирались купить красивый абажур в цветах, но, когда мы натыкались на такой абажур в деревне, мать хотела поискать какой-нибудь еще. Искала она уже три года. Тем утром, за два дня до Рождества, я ощущала ее жирные большие пальцы на глазных яблоках и чуточку боялась, что она надавит

слишком сильно и мои глаза выпрыгнут наружу, как стеклянные шарики. И что тогда она скажет: «Вот что происходит, когда вечно вертишься и ни на чем не задерживаешь взгляд, как пристало хорошей набожной девочке, которая смотрит снизу вверх на Господа, словно небеса в любой момент могут разверзнуться». Но небеса здесь разверзались только пургой, на которую незачем было пялиться.

Посреди стола для завтраков стояла сплетенная из тростника хлебная корзинка, накрытая салфеткой с рождественскими ангелочками. Они держали трубы или омелы, прикрывая свои маленькие члены; даже когда я держала салфетку против света, мне было не видно, как они выглядят, — я предполагала, что они похожи на свернутый ломтик болонской колбасы. На бумажных салфетках мать бережно разложила хлеб: белый, цельнозерновой с маком и рождественский кекс с изюмом. Хрустящую корочку кекса она аккуратно посыпала через сито сахарной пудрой, словно первым легким снежком, что утром лег на спины голландских коров на лугу, прежде чем мы загнали их под крышу. Клипса с пакета для хлеба всегда лежала на коробке для сухарей, иначе мы бы ее потеряли, а мать считала, что пакет, завязанный узлом, — это некрасиво.

— Сперва соленое, только потом сладкое, — привычно сказала она. Это правило, тогда мы вырастем большими и сильными: большими, как великан Голиаф, и сильными, как Самсон из Библии. Кроме того, мы обязательно должны

были выпивать большой стакан парного молока, которое обычно наливали из бочки за пару часов до завтрака, поэтому оно было немного теплым, и на нем иногда плавал желтоватый слой сливок, который прилипал к нёбу, если пить слишком медленно. Лучше всего было проглатывать молоко с закрытыми глазами, но мать называла это «непочтительностью», хотя в Библии ничего не написано о том, как следует пить молоко: быстро или медленно, ощущая вкус коровы или нет. Я вытянула белый хлеб из корзинки и положила к себе в тарелку, перевернув его так, чтобы он выглядел как бледная попка младенца. Особенно похоже выходило, если каждую половинку намазать шоколадной пастой: нам с братьями это всегда казалось смешным, и они говорили: «Ну что, вкусно тебе опять вылизывать задницу в кашках». Но чтобы взять шоколадную пасту, сперва мне нужно было съесть что-нибудь соленое.

— Если продержат золотых рыбок в темной комнате слишком долго, они станут белыми, — прошептала я Маттису и уложила на хлеб шесть ломтиков колбасы: так, чтобы они поместились ровно, не выходя за пределы куска. *У тебя было шесть коров, двух съели. Сколько у тебя осталось коров?* Я слышала голос учителя в голове вместе со всем, что ела. Почему все эти дурацкие расчеты вечно связаны с едой — яблоками, пирожными, кусочками пиццы и печеньями, — я не знала, но в любом случае учитель уже оставил надежду, что я когда-нибудь научусь считать, а моя тетрадь станет образцово чистой, без красных росчер-

ков. Мне потребовался год, чтобы научиться узнавать время по стрелкам часов — отец подолгу сидел со мной за кухонным столом с тренировочными часами из школы, которые он иногда в отчаянии швырял на пол, отчего из часов вываливались какие-то запчасти, и гадкая штука начинала трезвонить. Но стрелки до сих пор иногда превращались в дождевых червяков, которых мы вилами выкапывали за коровником, чтобы пойти порыбачить. Те тоже вечно извивались во все стороны, зажатые между большим и указательным пальцами, и ненадолго успокаивались, только если по ним несколько раз щелкнуть: ложились на ладонь и были похожи на красные клубничные сладости из магазина конфет «Фан Лёйк».

— Больше двух — говори вслух, — сказала наша сестричка Ханна, которая сидела за столом напротив меня, рядом с Оббе. Если ей что-то не нравилось, она шевелила губами слева направо.

— Некоторые слова пока слишком большие для твоих маленьких ушек и не пролезают, — сказала я с набитым ртом. Оббе от скуки поболтал пальцем в своем молоке, вытащил из него пенку и быстро вытер ее о скатерть. Она приклеилась к ткани, как белесая сопля. Это было отвратительное зрелище, и я знала, что завтра эта сторона скатерти с высохшей пенкой от молока, возможно, окажется повернута ко мне. Тогда я откажусь ставить тарелку на стол. Мы все знали, что салфетки на нем лежат для красоты: после завтрака мать уберет их обратно в буфет нетронутыми, потому что они не предназначены для

грязных пальцев и ртов. Мне и самой было как-то жаль сминать ангелочков в кулаке, словно комара, и ломать им крылышки или пачкать их светлые ангельские волосы клубничным вареньем.

— Я такой бледный на вид, что мне придется выйти на улицу, — прошептал Маттис. Он засмеялся и крайне сосредоточенно погрузил нож в белую часть шоколадной пасты «Дуо Пенотти», чтобы ни в коем случае не задеть коричневую. Мы ели «Дуо Пенотти» только на каникулах. Мы ждали ее так долго, что теперь, когда пришли рождественские каникулы и час наконец пробил, наступал самый лучший момент: мать отрывала бумажную защитную пленку с банки, счищала остатки клея с краев и показывала нам коричневые и белые пятна, похожие на уникальный узор на шкуре новорожденного теленка. Тот, у кого на прошлой неделе были лучшие оценки, допускался к банке первым — я всегда оказывалась последней в очереди. Я ерзала туда-сюда на стуле, ноги еще не совсем доставали до земли. Мне так хотелось удержать всех дома, разбросать их по ферме, словно кусочки колбасы. Во время заключительного урока накануне учитель неспроста рассказал, что некоторые пингвины на Южном полюсе уходят ловить рыбу и больше никогда не возвращаются. Хотя мы и не на Южном полюсе, на улице все равно было холодно. Так холодно, что озеро замрзло, а в поилках для коров было полно льда.

Возле наших тарелок лежало по два светло-голубых термопакета. Я подняла один из своих и вопросительно посмотрела на мать.

— Поверх носков, — сказала она с улыбкой, от которой на щеках появились ямочки, — тогда тепло останется внутри, а еще ноги не промокнут.

Она готовила завтрак для отца, который ушел помогать разродиться корове. После каждого надреза она проводила ножом между большим и указательным пальцами, чтобы на них осталось масло, и затем собирала масло с пальцев тупой стороной ножа. Отец, наверное, в это время сидел на доильном табурете возле коровы в облаке пара над ее потной спиной, помогая животному разродиться. Дыхание и дым сигарет. Я отметила, что около его тарелки нет термопакетов — наверное, его ноги для них слишком велики, особенно левая, покалеченная во время аварии на комбайне, когда ему было лет двадцать. Рядом с матерью на столе лежал серебряный бур, с помощью которого она проверяла вкус сыров, которыми занималась по утрам. Прежде чем надрезать один из них, она протыкала буром слой пластика в серединке, делала два оборота и медленно вытаскивала бур. А потом, так же, как ела белый хлеб во время церковного ужина — вдумчиво и благочестиво, медленно и с остановившимся взглядом, — она жевала кусочек куминного сыра. Оббе как-то раз пошутил, что тело Иисусово тоже состоит из сыра: вот почему нам можно есть всего по два кусочка в день на бутерброде, не то Он слишком быстро кончится. После того как мать произнесла утреннюю молитву и поблагодарила Бога «за нужду и излишки; когда многие едят хлеб из горестей, Ты накормил нас щедро и досыта», Маттис отодвинул стул, повесил

на шею коньки-норвежки и засунул в карман куртки рождественские открытки, которые мать велела ему разложить по почтовым ящикам наших знакомых. Маттис шел на озеро: вместе с парой друзей он собирался на соревнования. Маршрут был длинной в тридцать километров, а победитель получал бутерброд с тушеным выменем и горчицей и золотую медаль с надписью «2000 год». Я бы хотела натянуть еще один термопакет ему на голову и плотно застегнуть его вокруг шеи, чтобы тепло сохранилось подольше. Он коротко потрепал меня по волосам, я быстро поправила их и стряхнула пару крошек с пижамы. Маттис всегда расчесывал волосы на пробор и мазал пряди у лица гелем: они тогда становились похожи на два завитка масла на блюде, которые мать всегда выкладывала во время Рождества, потому что масло из тубика казалось ей недостаточно праздничным, оно подходило только для обычных дней. А день рождения Иисуса не был обычным днем. Словно он каждый год рождался заново, как и умирал за наши грехи, что мне казалось странным. Я частенько размышляла: этот бедный человек на самом деле мертв давным-давно, а они об этом, должно быть, забыли. Но не стоит об этом говорить: без этого не было бы рождественского печенья с посыпкой, и никто бы не рассказывал рождественских сказок про трех волхвов и звезду на Востоке.

Маттис прошелся по коридору, чтобы полюбоваться своими локонами в зеркале. Правда, от мороза они станут твердыми как камень и прилипнут ко лбу.